

**С.Ю.Барсукова,
кандидат социологических наук,
магистр социологии,
Государственный университет —
Высшая школа экономики**

Идеологические лабиринты, или что делать с вынужденными мигрантами

Проблемы беженцев и вынужденных переселенцев заявляют о себе все явственнее. Становится очевидным, что отсутствие действенных мер грозит обернуться настоящей социальной катастрофой для "принимающей стороны". Что делать в этой ситуации? Какие меры предпринять? Рыночные механизмы или административные меры должны стать фундаментом решения проблемы?

Не будет преувеличением сказать, что диапазон суждений по этой проблеме чрезвычайно широк. На наш взгляд, противоречивость мнений объясняется не различиями в человеколюбии дискутирующих сторон, а принципиальными *идеологическими* расхождениями между ними. Политическая неангажированность не означает идеологическую нейтральность, если понимать под идеологией *мировоззренческую основу* восприятия общественной жизни. Соот-

¹ *Forrest R., Kennet T. Coping Strategies, Housing Careers and Households with Negative Equity // Journal of Social Policy. 1996. Vol. 25. Pt. 3. P. 373.*

ветственно, имеет смысл обсудить проблемы мигрантов и способы их решения в зеркале таких "идеологических космосов", как либерализм, консерватизм и социализм. Такая постановка вопроса, во-первых, поможет осознать исходную многовариантность решения проблемы, во-вторых, облегчит задачу идеологической идентификации речей политиков, апеллирующих к проблемам беженцев и вынужденных переселенцев¹.

Либерализм: соболезнавание проигравшим

Одна из наиболее влиятельных хозяйственных идеологий — либерализм. Обращая особое внимание на значение частной собственности и рынка в качестве условий свободы личности, либерализм отводит особую роль категории *риска*. Понятие риска не несет в себе негативной каннотации, ибо риск для либералов — синоним не опасности, а свободы выбора. Свободный человек отличается от несвободного именно правом рисковать, т.е. выбирать вариант своего жизненного проекта. Элиминирование фактора риска означает покушение на Свободу.

Соответственно, либеральная хозяйственная идеология делает акцент на добровольности *риска* тех, кто ЖИЛ В ИНОЙ этнической среде. Выбор места жительства трактуется как добровольный и осознанный шаг, возможные последствия которого есть плата за свободу выбора. Государство и общество с точки зрения ортодоксального либерализма не должны нести никаких обязательств перед мигрантами, поскольку те оказались в плачевном положении в силу реализации собственного "жизненного проекта". Государство-минимум является гарантом *права рисковать*, но не должно брать на себя функцию института, *страхующего* эти риски. Либерализму свойствен взгляд на тех, кто потерпел жизненную неудачу, как на "рисковавших, но проигравших". Какие же доводы приводят сторонники либерализма, отказывая в помощи вынужденным мигрантам? Перефразы на тему "Сами виноваты!" сводятся к следующим сюжетам.

Первое. За пределами Российской Федерации оказался *специфический контингент* россиян, наименее склонных к анализу и прогнозу ситуации, наиболее легковверных и инфантильно доверчивых к заверениям "партии и правительства". А следовательно, хотя их по-человечески и жалко, с позиций социального дарвинизма они обречены на социальную депривацию как плату за их специфическую ущербность.

Второе. Порочны не столько социальные качества мигрантов, сколько выбранные ими *стратегии*. ("Почему не выехали при пер-

¹ Подробнее этот материал см.: Барсукова С.Ю. Проблемы беженцев и вынужденных переселенцев в зеркале идеологий // Политические исследования. 1999. № 5.

вых признаках национальной истерии?") Обычно рассуждения такого рода подкрепляются отсылками к состоянию рынков труда и недвижимости, ситуация на которых едва ли изменяется в благоприятную для мигрантов сторону.

Третье. Фокусируется внимание на *поведении* тех, кто жил в иной этнической среде. Нынешняя бездомность и нищета кочующих по стране вынужденных мигрантов трактуется как своего рода плата за их неумение и нежелание приспособиться к специфике этнической среды, в которую они были погружены.

Четвертое. Вхождение в чужеродную этническую среду трактуется как погоня за более благоприятными климатическими и экономическими условиями внероссийского пространства, что заведомо предполагало повышенный риск оказаться изгоняемыми "инородцами". Сознательно решившиеся на этот риск едва ли достойны большего сочувствия и участия в их судьбе, чем проигравшие в казино.

Согласно этой логике, сибирские морозы "компенсируются" стабильностью национальных отношений, а притяжение "культурной Прибалтики", "солнечного Закавказья" и "дремотной Средней Азии" "нейтрализуются" неустойчивостью положения в них этнических меньшинств. Каждый волен выбирать, но сделавшие свой выбор несут за него полную ответственность.

Каким же видится решение проблемы вынужденных мигрантов? Сторонники либерального толка уповают на регулирующие возможности рынка. Неоднородность территориально-поселенческой структуры с точки зрения рыночной ситуации на рынках труда, жилья и товаров является, по мнению либералов, основным регулирующим фактором рассредоточения мигрантов по стране. Так, российская деревня в этих координатах описывается как дешевое жилье, узость выбора профессиональных позиций на рынке труда, распространенность натурального обмена продуктами и услугами. В противовес этому жизнь в мегаполисе предполагает широкие возможности трудоустройства, денежную опосредованность обмена, высокие цены на жилье. Соответственно, соизмерение возможностей и желаний, не замутненное административным диктатом, трактуется как основа личностной стратегии выживания в рамках либеральной идеологии.

Заметим, что в системе либеральных взглядов помощь мигрантам не отрицается, она лишь становится приватным делом отдельных индивидуумов. Другими словами, помощь уместна как реализация принципов гуманизма, но не как основа государственного устройства. Право рисковать для одних тождественно праву других не нести ответственности за эти риски.

Такая безапелляционность либерализма привела к падению его популярности. На волне критики классического либерализма возник так называемый "новый либерализм", практической реализацией которого явилось "государство благоденствия".

Социально ориентированный либерализм: поддержка пострадавших

"Новый либерализм" склонен допускать расширение роли государства, тем самым провозглашая "переквалификацию" "государства-минимум" в "государство-оптимум". Если либеральная конституция — это равенство прав, то social-welfare state — равенство возможностей. На разных этапах своего существования, а также в разных национальных интерьерах социально ориентированный либерализм тяготеет к одному из *трех философских оснований*. Очевидно, что отношение к мигрантам непосредственно зависит от степени актуализации той или иной философии.

Исторически и логически первой философией "государства благоденствия" была идея *страхования равновероятных рисков*. В основе государственной помощи лежало представление о том, что с определенной вероятностью страхуемое событие (болезнь, потеря работы, инвалидность и т.д.) может случиться с каждым членом общества и по своей природе является следствием случайного стечения обстоятельств. В этом случае государство уподобляется всемирной *страховой компании*, а член общества — *игроку*, часть рисков которого выведена за пределы его личной ответственности.

Помощь вынужденным мигрантам как реализация *страхового принципа* возможна лишь при восприятии обществом подобного риска как равновероятного. Восприятие проблемы беженцев как маловероятной для большинства российских граждан делает невозможной оказание помощи пострадавшим по аналогии с выплатой страховой суммы. Очевидно, что для населения, проживающего на территории, где потенциал межэтнических баталий сравнительно мал, идейное обоснование помощи должно быть качественно иным.

Вторая, *гражданственная* философия социального либерализма трактует помощь в терминах солидарности, делая упор на фигуру *гражданина*. Именно *патриотические* мотивы вспомоществования являются основанием помощи мигрантам в рамках такого философского подхода. Помощь мигрантам в таком случае выступает уже не как страховая выплата, а как вспомоществование в результате межклассовой солидарности.

Применительно к современной России вряд ли можно надеяться на успешность задействования этого идейного основания помощи мигрантам, так как искреннее сочувствие к этим людям самым причудливым образом уживается с ожесточенным эгоизмом. Превращение несчастий в яркие зрелища для обывателей и театризация социального долга политиков свидетельствуют о разрушении гражданского пространства. К тому же "моральный эквивалент войны" как средство мобилизации патриотических чувств успешно работает лишь в ограниченный период времени. Далее наступает мобилизационная усталость. Демобилизация граждан в результате

передозировки патриотических призывов приводит к противоположному эффекту.

И наконец, третье философское основание "общества благоденствия" сводится к философии *возмещения убытков*. Центральным персонажем социального взаимодействия выступает фигура *жертвы*. Многочисленные воспоминания о репрессированных народах имеют своей целью придать этим народам статус жертвы с соответствующим правом на компенсацию. Страдания прошлых лет становятся своего рода капиталом, а показное несчастье — пусковым механизмом требований восстановления справедливости. Эти требования тем настойчивее, чем более решительно жертва придает компенсации статус единственно возможного способа улучшения жизни.

На наш взгляд, доктрина жертв явно доминирует в современном российском раскладе. В этом идейном ключе помощь вынужденным мигрантам обосновывается либо как компенсация прошлых "имперских деяний", либо как извинительная отступная за невозможность пресечь варварский сценарий настоящего.

Консерватизм: помощь соотечественникам

Главным историческим и логическим оппонентом либерализму является консерватизм. В самом общем виде консерватизм ориентирован на ограждение общественного устройства от новых веяний, что позволяет трактовать его как *охранительную* идеологию. С позиций консерваторов, проблемы мигрантов и способы их решения выглядят кардинально иначе. Консерватизм продвигает идею *государственного патернализма* по отношению к вынужденным переселенцам и *политической корректности* по отношению к беженцам.

Заметим, что помощь попавшим в беду *людям* диктуется для либерала принципами общечеловеческого гуманизма, тогда как помощь попавшим в беду соотечественникам трактуется консерваторами как основа мироустройства и поддержания порядка. Согласно духу консерватизма, помощь не должна строиться на принципе принудительного взыскания средств у имущих и жесткого централизованного контроля за их перераспределением (что присуще идеологии социализма). В основе должна лежать осознанная забота сильных о слабых, что конвертируется в ответную лояльность и готовность к послушанию.

Если для либералов мигрант — это наиболее быстро реагирующий на рыночные импульсы экономический агент (иначе он просто не выживет), то для консерваторов вынужденный переселенец — это попавший в беду соотечественник, помощь которому трактуется как долг государства перед своими *подданными*. Этим, кстати говоря, обусловлено обращение партийных лидеров консервативного толка к проблеме вынужденных переселенцев в ходе выборных кампаний. Переселенцы в этом случае выполняют роль демонстрантов соблаз-

нительной возможности быть подданными в системе отеческой заботы, разросшейся до масштабов государственной политики.

Консерватизму присуще непрерывное восприятие отечественной истории. Приверженность традициям проявляется в готовности нести ответственность за то, что произошло когда-то. Советский период рассматривается как органичный фрагмент российской истории. При таком подходе понятие "советский народ" является скорее маркером реальной социальной общности, нежели транспарантным клише идеологического мифотворчества. Соответственно, происходит своего рода реабилитация жизненных практик тех, кто искренне верил в "союз нерушимый республик свободных". То, что они потерпели неудачу, не связано с их легковёрностью (ибо они верили в *реально* существующий феномен) и не может трактоваться в терминах не оправдавшего себя риска (ибо риск появился как результат *последующих* событий). Таким образом, консервативный фокус на непрерывности исторического развития и самоценности всех его фаз выводит из под огня критики низкие прогнозные способности вынужденных переселенцев. В отличие от либералов, акцентирующих момент осознанности риска, консерваторы подчеркивают, что именно *вера в отсутствие риска* в ситуации резкого изменения политических условий привела к миграционному буму. Смысловая доминанта консерватизма сводится к *снятию ответственности* с вынужденных переселенцев за ситуацию, в которой они оказались.

По мнению консерваторов, эти люди получили жизненный нокаут в результате резкого изменения правил игры, когда прежняя система отношений уже не работала, а новая еще не сложилась. *Риск*, как просчитываемая вероятность неудачи, не имеет ничего общего с фактором *неопределенности* возможных последствий собственных действий. Не система рисков, а стихия неопределенности периода ротации правил игры привела к миграционному буму, что делает логически оправданным консервативный тезис о *вхождении в положение* этих людей.

И наконец, необходимость помощи в рамках консервативной идеологии обосновывается необходимостью *рачительного* использования иммигрантов. Отечественная забота о попавших в беду соотечественниках сопряжена в рамках консервативной идеологии с трезвым расчетом возможных благ от их оперативного трудоустройства. Консерватизм — принципиальный сторонник помощи, но как инструмента порождения импульсов благодарности за отеческую заботу. Соответственно, эти работники тем ценнее, чем более явно и зримо им будет продемонстрирована забота о них.

Социализм: награда за миссионерство

Социализм как идеология *равенства* отстаивает принцип, согласно которому люди рождаются разными, а неравными их делает

общество. Следовательно, при определенном устройстве общества *разные* могут стать *равными*. Такое общество и есть идеальный тип социалистической идеологии.

Социалистическая идеология весьма оригинально обосновывает необходимость помощи пострадавшим от межэтнических конфликтов. Массированный десант россиян в союзные республики обставляется как *миссия* русских специалистов. С точки зрения идеологов социализма, россиянин в национальной республике бывшего Союза — это не активный *игрок* (представление либерализма), и не добросовестный *работник* (представление консерватизма), а идейный *миссионер*, пришедший туда, чтобы "поднять целину", "вдохнуть жизнь" и так далее, т.е. реализовать идею *равенства* в ее территориальном аспекте. А миссия всегда окрашена в героические тона. Отсюда особая ответственность социалистов перед людьми, чей жизненный план интерпретируется как "героические будни". Эта ответственность властно диктует необходимость компенсации потерь, связанных с провалом миссии.

При таком идеологическом посыле вынужденные переселенцы не должны быть оставлены один на один с трудностями адаптационного периода. Им необходимо не просто компенсировать потери, но и создать благоприятные условия вписывания в новую для них среду обитания. И это не только плата за их миссионерство, но и проявление убежденности в том, что в одиночку этим людям не выстоять. Социализм как идеология слабых, находящихся силу в единении, рассматривает помощь иммигрирующим россиянам как единственно возможное условие их выживания. С позиций социалистической идеологии, отказ в помощи со стороны организованного большинства формально сводится к упованию на силы индивида, но фактически означает приговор его судьбе, так как отдельный человек столь же бессилён, сколь он силен будучи частью коллектива.

Но если необходимость помощи в рамках социалистической парадигмы вполне аргументирована, то на стадии реализации заявленной позиции возникают проблемы. Эффективность помощи зависит не от аргументации намерений, а от ресурсных возможностей ее реализации. Социалистическому обществу присуща нехватка ресурсов как плата за планомерность развития. План порождает дефицит с той же неизбежностью, с какой рынок ведет к перепроизводству.

Трагический разрыв между интенцией помощи и возможностями ее оказания ведет к феномену *двойной морали*. Это проявляется в том, что ресурсный дефицит делает невозможным реально равную заботу о всех нуждающихся, тогда как идейный пафос не позволяет снизить планку обещаний. В результате помощь начинает оказываться фрагментарно, избирательно и, что важно, показательно. Провалившиеся миссионеры проводят жизнь в нищете, но параллельно создаются единичные массированные очаги помощи по аналогии с потемкинскими деревнями.

Но какие механизмы оказания помощи предлагаются в рамках социалистической идеологии? Социализм уповает на административное регулирование, что определяет особую роль государственной бюрократии. Если либерализм и консерватизм рассматривают общество по аналогии с живым организмом, обладающим способностью к *саморегуляции*, то социалистическая идеология делает упор на *регулирование* этого общества сознательной волей большинства. Социализм не отдает роль регулятора миграционных потоков рыночному механизму не столько в силу чужеродности рынка идеалам социализма, сколько в силу принципиального отрицания саморегулятивного потенциала общества (посредством рынка, *обычаев, нравов*, чего угодно). В рамках социалистической идеологии проблемы беженцев и вынужденных переселенцев могут и должны решаться исключительно посредством сознательных действий людей, наделенных определенными *полномочиями* и мерой *ответственности*. Отсюда следует бюрократизация процесса помощи как неотъемлемая черта социалистической практики. "Разнарядки" по приему беженцев и переселенцев — прерогатива социализма как идеологии.

Мы постарались показать, насколько различными могут быть обоснования и формы оказания помощи беженцам и вынужденным переселенцам в зависимости от идеологических оснований. От того, какие хозяйственные идеологии будут доминировать в России в ближайшем будущем, зависят конкретные судьбы тысяч людей, проходящих по информационным сводкам под обезличенным названием "беженцы и вынужденные переселенцы".